

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. Р. ЮРЬЕВА В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ СЕРЕДИНЫ — ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Л. Г. Зырянова^{1, 2}

¹ Нижневартковский нефтяной техникум (филиал),

² Югорский государственный университет (г. Нижневартовск, Российская Федерация)

Автором освещена политическая и военная деятельность одного из видных представителей рода Юрьевых-Захарьиных — Даниила Романовича — в оценках известных отечественных историков второй половины XX в. Упоминания о нем в трудах ученых предшествующего времени встречаются изредка. Автор ставит перед собой цель изучить советское историографическое наследие относительно деятельности Д. Р. Юрьева, входившего в окружение Ивана IV. Объектом данной работы является историография российской истории середины XVI в., а предметом — взгляды историков советского времени, преимущественно на административную и военную деятельность Д. Р. Юрьева. В статье анализируются суждения исследователей об основных вехах карьеры Д. Р. Юрьева. Обоснован вывод о том, что в советской историографии оценки роли Д. Р. Юрьева при первом московском царе не отличались единодушием. Историки отмечали, что Д. Р. Юрьев пользовался доверием Грозного, писали о Данииле Романовиче как боярине ближней думы, регенте при царевиче Иване. Хотя Даниил Романович смог сохранить высокое положение вплоть до своей кончины, к числу политических лидеров середины XVI в. этого представителя видной старомосковской боярской фамилии исследователи зачастую не относили.

Ключевые слова: отечественная историография второй половины XX в., Д. Р. Юрьев, Иван IV, окольничий, дворецкий, Ближняя дума.

Даниил Романович Юрьев-Захарьин — видный политический деятель XVI в., родной брат первой жены Ивана Грозного Анастасии — упоминался многими историками в контексте наиболее значительных событий времени Ивана IV.

Для изучения данной темы ученые часто прибегали к субъективной исторической конструкции, воссоздаваемой с учетом методологических ориентиров «марксистско-ленинской» эпохи, в условиях которой жили сами исследователи. В этой связи следует принимать во внимание соответствующие издержки, которые имели место при определенной хронологической дистанции и степени субъективизма, присутствующую в авторских трактовках. И в то же время именно удаленность позволяла дать более разностороннюю оценку изучаемого периода, исторической личности. В свою очередь, источники нарративного характера, а также нормативно-правовые акты середины XVI в. часто являлись для исследователей вспомогательным инструментарием.

История рода Романовых в последние десятилетия вызывает у ученых значительный интерес. Но внимание большинства исследователей сосредоточено лишь на отдельных крупных представителях этого рода, прежде всего царствующих особах.

Современная историография, насыщенная различными трактовками, отличными как по глубине интерпретации, так и по идеологическим взглядам, отчасти восходит к советской науке. Поскольку исследователи постсоветского периода во многом еще находятся в теоретическом и методологическом поиске, то предшествующие концепции историописания имеют безусловный интерес при изучении данной темы.

Следует отметить, что в круг исследуемых источников попали лишь те научные труды, которые

содержат оценки деятельности Д. Р. Юрьева или упоминания важных фактов жизнедеятельности Даниила Романовича. В работах ряда известных историков (В. Б. Кобрин, В. А. Колобкова и др.) Д. Р. Юрьев фигурировал лишь попутно, мимоходом, в контексте рассмотрения отдельных событий, без оценочных суждений, почему эти работы не представляют какого-нибудь значительного интереса в рамках настоящего исследования.

В предшествующей работе мною предпринималась попытка рассмотреть деятельность Д. Р. Юрьева в оценках отечественных историков, начиная с Н. М. Карамзина, но конспективно, большей частью вскользь [5, с. 31—36]. Приходится констатировать, что ни одной специальной работы, посвященной Д. Р. Юрьеву, пока не существует, о нем историки писали между прочим, и только.

Так, Н. Е. Носов, исследуя состояние местного управления Русского государства первой половины XVI в., в частности, деятельность городских приказчиков, лишь однажды упомянул о Д. Р. Юрьеве в качестве боярина и дворецкого при рассмотрении царской грамоты за 1550 г., посланной на Белоозеро рыбным приказчикам [7, с. 142].

А. П. Павлов, рассматривая вопрос о вотчинных владениях Романовых, предположил, что накануне и в годы опричнины Юрьевы, в том числе Даниил Романович, утратили суздальские земли. По мнению историка, Д. Р. Юрьев получил за это компенсацию за счет других вотчин [8, с. 191].

Сообщения об этом брате царицы Анастасии в трудах С. Б. Веселовского также фрагментарны, но применительно к политической роли Д. Р. Юрьева подчас имеют оценочный характер.

Исследуя историю боярских родов России XIV—XVII вв., С. Б. Веселовский констатировал, что

у Романа Юрьевича Захарьина было три сына: Даниил, Долгат и Никита. Старший из них в феврале 1547 г. получил чин окольничего, а в июле того же года стал боярином и дворецким, умер же 27 октября 1564 г. [1, с. 154].

Анализируя знаменитые приписки Царственной книги о болезни Ивана IV весной 1553 г., С. Б. Веселовский писал о том, что вслед за составлением духовной Иван Васильевич сам стал приводить к кресту бояр и дворян, среди которых упоминается Д. Р. Юрьев. Это, по мнению исследователя, были «ближние» люди, окружавшие Грозного в первый день его болезни, которая могла закончиться смертью [2, с. 281].

Далее широко известный историк первой половины прошлого века цитировал слова окольничего Ф. Г. Адашева (выражавшие мнение многих придворных), который допустил колебания в ходе присяги наследнику царевичу престола Дмитрию из-за нежелания подчиниться Д. Р. Юрьеву с братьями: «Тебе, государю, и сыну твоему царевичю Дмитрею крест целуем, а Захарьиным нам Данилу с братиею не служивати; сын твой, государь наш, ещо в пеленицах, а владети нами Захарьиным Данилу з братиею; а мы уже от бояр до твоего возрасту беды видели многия». С. Б. Веселовский заключил, что тем самым Ф. Г. Адашев предлагал царю назначить авторитетных регентов, которыми Захарьины не являлись. Но высказывание Ф. Г. Адашева, с точки зрения историка, лишь отчасти преследовало корыстные цели, больше оно диктовалось опасениями повторения дворцовых смут 1533—1546 гг. Захарьины же не были весной 1553 г. столь сильны, дабы активно противодействовать этим нападкам, тем более что симпатиями в боярской среде родственникам царицы еще предстояло заручиться [2, с. 282—283].

С. Б. Веселовский также упомянул про Д. Р. Юрьева, приводя вставку из Летописца русского (рассказ о «побежании в Литву князя Никиты Лобанова-Ростовского»), согласно которой Иван IV для допроса послал бояр своих, в том числе Д. Р. Юрьева (1554 г.) [2, с. 276]. Но никакой конкретной оценки роли Д. Р. Юрьева при этом историк не высказал.

Рассматривая переписку Ивана IV с князем А. М. Курбским, С. Б. Веселовский выдвинул версию о возможной попытке на каком-то соборе инкриминировать А. Ф. Адашеву причастность к смерти жены царя Анастасии, хотя фактов для такого обвинения не оказалось. Ссылаясь на А. М. Курбского, выдающийся историк писал, что Д. Р. Юрьев выступал в этом деле в качестве одного из «злых советников царя», которые убеждали Грозного в смерти царицы от «чар волшебства» [2, с. 105].

В оценке видного советского историка конца 1940-х — начала 1960-х гг. И. И. Смирнова женитьба Ивана IV на Анастасии Романовне явилась не только показателем влияния рода Захарьиных-Юрьевых, но и означала заметное укрепление политических позиций Захарьиных и связанных с ними лиц. Об этом свидетельствует уже «разряд» свадьбы Ивана IV (февраль 1547 г.), где среди многих Юрьевых назван и Даниил Романович.

В названном источнике Д. Р. Юрьев представлен окольничим. С точки зрения И. И. Смирнова, пожалования 1547 г., датируемые временем еще до падения родственников царя по матери Глинских, отражают выход Захарьиных на «первый план политической арены» [11, с. 166, 187].

Родной брат Д. Р. Юрьева Никита вместе с А. Ф. Адашевым фигурирует в «разряде» первой свадьбы Грозного в качестве «спальника» и «мовника». Этот документ, как находил историк, свидетельствует о том, что А. Ф. Адашев в то время занимал видное положение при дворе, являясь приближенным Ивана IV [11, с. 218].

И. И. Смирнов пришел к выводу о том, что возвышение Адашевых происходило при поддержке и покровительстве со стороны Захарьиных. Так, в 1548 г. Ф. Г. Адашев становится дворецким Большого дворца. Поскольку годом прежде пост первого дворецкого этого учреждения занимал Д. Р. Юрьев, становится совершенно ясно, что Ф. Г. Адашев получил возможность выдвинуться и занять высокий пост дворецкого лишь после того, как названный приказ перешел в руки Захарьиных [11, с. 217].

И. И. Смирнов, рассматривая изменения в составе правящих кругов, обратил внимание на рассказ о восстании московских «черных людей» из Царственной книги, которая содержит наиболее полный перечень враждебных Глинским лиц.

Анализируя события конца июня 1547 г., когда Глинские подверглись гонениям, историк указывал на «активную роль Захарьиных». Таким образом, И. И. Смирнов противопоставлял всех Захарьиных Глинским.

В представлении ученого политическую ситуацию, сложившуюся после восстания и падения Глинских, отразил «разряд» похода Ивана IV на Коломну в июле 1547 г., — похода, в котором царя сопровождал дворецкий Д. Р. Юрьев. Сопоставляя два списка приближенных и доверенных бояр того времени, И. И. Смирнов заметил в обоих документах, во-первых, упоминания о многочисленных Захарьиных-Юрьевых, во-вторых, выдвижение на ведущие места лиц, враждебных Глинским (к примеру, Г. Ю. Захарьина). Ту же картину рисует и «разряд» зимнего похода 1547 г. Ивана IV на Казань, в котором в свите царя находился окольничий и дворецкий Д. Р. Юрьев.

Внимание И. И. Смирнова привлекли и материалы, относящиеся к свадьбе брата Ивана IV Юрия, состоявшейся 3 ноября 1547 г. По словам исследователя, она характеризуется коренными отличиями от свадьбы Ивана IV по составу лиц, участвовавших в церемонии: произошло полное устранение Глинских, место которых заняли Захарьины.

И. И. Смирнову вообще не встретилось известий о Глинских в «разряде» свадьбы брата Ивана IV Юрия, на которой вместо их бабки Анны Глинской, жен Юрия и Михаила Глинских присутствовали теща Ивана IV Ульяна Захарьина, жены Даниила Романовича и Никиты Романовича Юрьевых-Захарьиных. Демонстративное отстранение Глинских от такого важного династического акта, как женитьба брата государя, обнаруживает полное падение политического веса и значения этой боярской семьи.

Кроме того, как отмечалось И. И. Смирновым, Д. Р. Юрьев упоминается в списке поручителей по князе И. И. Турунтае Пронском. Такими поручителями в представлении ученого оказываются лица, которые принадлежали к ближайшему окружению царя [11, с. 167—169].

Важной переменной в составе правящих кругов явилась в глазах И. И. Смирнова отставка дворецкого И. И. Хабарова и занятие этого поста Д. Р. Юрьевым, что устанавливается благодаря «разряду» июльско-го похода 1547 г. на Коломну. («Шереметевская» книга чинов не фиксирует время пожалования Д. Р. Юрьеву звания дворецкого, однако в списке новых бояр за 1549 г. Даниил Романович числится в этой должности) [11, 188].

Как полагал И. И. Смирнов, переход должности дворецкого к Захарьиным означал, что в их руках оказался едва ли не самый важный пост в правительстве. Эта должность если и уступала в отношении родословно-местнических счетов должности конюшего боярина, то по характеру и кругу деятельности (включавшей управление и царским дворцом, и дворцовыми владениями) превращала дворецкого в особо приближенное к царю лицо (с назначением Д. Р. Юрьева пост дворецкого монополизировался Захарьиными вплоть до 1577 г.).

По заключению И. И. Смирнова, уже 1547 г. отмечен такими изменениями в составе Боярской думы, которые носят отчетливо выраженный политический характер. Дальнейший ход пополнения Боярской думы новыми членами в 1548—1552 гг., на взгляд ученого, демонстрирует усиление позиций в думе той политической группировки, в руках которой оказалась власть с падением Глинских. Наиболее ярко эта тенденция выступает в пожалованиях в думу представителей рода Захарьиных. За 1547—1552 гг. она пополнилась четырьмя Захарьиными (среди них был и Д. Р. Юрьев), а также несколькими их ближайшими родственниками [11, с. 188].

Противоположную в оценке И. И. Смирнова группу среди вошедших в Боярскую думу составляли титулованные бояре-княжата, позиция которых определялась резко враждебным отношением к осуществлявшемуся правительством Ивана IV приближению «молодых людей» (к ним в глазах княжат прежде всего принадлежали Захарьины) [11, с. 189].

Как думалось И. И. Смирнову, есть все основания связывать выработку политики ограничения иммунитета с деятельностью Д. Р. Юрьева, хотя последний лично не принимал участия в процедуре пересмотра тарханских грамот, находясь в то время в казанском походе. Ученый полагал, что будучи дворецким Казанского дворца, Д. Р. Юрьев руководил созданием аппарата управления на территории бывшего Казанского ханства, и этим следует объяснить непосредственное, личное участие Д. Р. Юрьева в зимнем походе 1554—1555 гг. в Среднее Поволжье.

В представлении И. И. Смирнова видное место в деятельности Захарьиных-Юрьевых, в том числе Даниила Романовича, с конца 1540-х гг. занимало не только решение вопросов внутренней и внешней

политики, но и участие в военных акциях. Историк, включавший Даниила Романовича в ближайшее окружение царя, указывал, что роль этого боярина как военачальника полнее всего отражена в «разрядах» [11, с. 211].

Во многом иначе, чем в монографии И. И. Смирнова, деятельность Д. Р. Юрьева оценивалась А. А. Зиминим.

По его наблюдению, среди Захарьиных после смерти боярина Михаила Юрьевича в течение целого десятилетия не было крупных политических деятелей. Вновь в разрядных записях Захарьины появляются лишь с 1547 г., когда Иван IV вслед за венчанием на царство женился на Анастасии — дочери окольного Романа Юрьевича Захарьина, племяннице М. Ю. Захарьина. В связи со свадьбой Ивана Васильевича родной брат Анастасии Д. Р. Юрьев и получил окольное, — констатировал А. А. Зимин.

Он писал о напряженных отношениях новой царской родни и Глинских. В борьбе с последними Захарьины готовы были поддержать представителей княжеско-боярских семей, в первую очередь Шуйских [4, с. 277, 278]. Выдающийся историк 1950—1970-х гг. указывал на отсутствие в литературе четкости при характеристике политических противников Глинских. Так, С. В. Бахрушин в одной из своих последних работ «снял вопрос» об участии боярских группировок в борьбе с правительством Глинских в ходе восстания 1547 г., хотя ранее полагал, что против Глинских объединились остатки и побежденной ими партии Шуйских, и новая царская родня Захарьины [4, с. 299].

А. А. Зимин находил неверной предложенную И. И. Смирновым оценку коалиции бояр, выступивших тогда против Глинских. С точки зрения А. А. Зимина, состав данной группировки не случаен. Это в основном сторонники боярской оппозиции, возглавлявшиеся Шуйскими. А. А. Зимин отнес окольного Д. Р. Юрьева к числу Захарьиных, не упомянутых летописцем среди бояр-заговорщиков, так что, — заключал историк, — и говорить излишне о поддержке противников Глинских всеми Захарьиными и тем более утверждать (подобно И. И. Смирнову) близость новых родственников царя к дворянству и посаду.

Если И. И. Смирнов считал, что после июньских событий 1547 г. к власти пришла группировка во главе с митрополитом Макарием, Захарьиными, Сильвестром и Адашевым, то А. А. Зимину по отношению к «правительству Адашева и Сильвестра» это мнение казалось неверным, ибо тогда наибольшими политическими выгодами добились активные участники боярской оппозиции. Такие выгоды из событий начала лета 1547 г. извлекли и Захарьины. В частности, в следующем году боярином стал Д. Р. Юрьев (сделавшийся в июле 1547 г. дворецким). Как констатировал А. А. Зимин, после женитьбы Ивана Грозного на Анастасии Романовой при дворе молодого самодержца Захарьины приобрели большой вес [3, с. 333—334; 4, с. 311].

А. А. Зимин не соглашался и с выводом И. И. Смирнова о вхождении Д. Р. Юрьева в 1553 г. в состав Ближней думы, вслед за С. В. Бахрушиным

указав на то, что Юрьевы упоминаются в летописи отдельно от ближних бояр [4, с. 295].

А. А. Зимин разделял оценку И. И. Смирновым Захарьиных как видных политических деятелей середины XVI в., но не включал их в число лиц, которые определяли политику страны. Малочисленность сведений источников о роли Д. Р. Юрьева И. И. Смирнов объяснял тем, что тот был «практическим политиком по преимуществу». Этот аргумент А. А. Зимин считал малоубедительным, думая, что если бы Юрьевы являлись столь значительными политическими фигурами, как представляется И. И. Смирнову, то мы могли бы рассчитывать на большее разнообразие показаний источников об их деятельности. А. А. Зимин приводил в пример известия о Д. Р. Юрьеве, который занимал видное место в дворцовом аппарате. Но функции дворцовых управителей не дают, на взгляд историка, оснований высоко оценивать политическую роль Захарьиных [4, с. 320, 322].

И. И. Смирнов утверждал, что Д. Р. Юрьев как дворецкий возглавлял то ведомство, через посредство которого правительство Ивана IV осуществляло борьбу против иммунитета. А. А. Зимин же не усматривал непосредственной связи мероприятий 1551 г. с Большим дворцом и возглавлявшим его Д. Р. Юрьевым, и отказывался причислять управление Казанским дворцом к функциям Д. Р. Юрьева. Как находил А. А. Зимин, Казанский край в конце 1552 г. ведался в Нижегородском дворце, а первым казанским и нижегородским дворецким с 1557 г. являлся М. И. Вороной-Волынский.

Обращаясь к политическому кризису марта 1553 г., А. А. Зимин вопреки И. И. Смирнову считал, что в то время в число членов Ближней думы Д. Р. и В. М. Юрьевы не входили (такое мнение высказывал и С. В. Бахрушин). При этом А. А. Зимин допустил противоречие, поскольку, говоря о событиях 1 марта 1553 г., отнес Д. Р. Юрьева к ближним боярам, которые должны были первыми целовать крест царевичу Дмитрию, но в то же время полагал, что Д. Р. Юрьева никак нельзя причислять к членам Ближней думы при Иване Грозном [4, с. 474].

Согласно А. А. Зимину, возрастание политической роли Захарьиных произошло накануне опричнины. Подчеркивая их причастность к ее учреждению, историк ссылаясь на первое послание Ивана IV к А. М. Курбскому (где речь идет о Захарьиных как лицах, пытавшихся скомпрометировать Сильвестра в дни смертельной болезни царицы Анастасии), но воздержался от оценки участия Захарьиных в споре царского духовника с Грозным [4, с. 322].

Таким образом, в работах А. А. Зимина Д. Р. Юрьев-Захарьин выступает одним из видных политических деятелей первых лет царствования Ивана Грозного. Смерть царицы Анастасии в августе 1560 г., с точки зрения А. А. Зимина, не поколебала положение Даниила Романовича. Накануне опричнины он продолжал служить царю и пользовался его доверием. И все же в представлении А. А. Зимина Д. Р. Юрьев-Захарьин не входил в круг лиц, оказывавших определяющее влияние на политику страны, и отнюдь не являлся (вопреки мнению ряда историков) одним из политических лидеров конца 40-х — начала 60-х гг. XVI в.

Р. Г. Скрынников писал, что высшим правительственным органом в середине XVI в. была выделившаяся из Боярской думы «ближняя дума». В ее состав вошел и Д. Р. Юрьев. Он с июля 1547 г. встал во главе Большого дворца, а спустя несколько лет — и Казанский дворец. Р. Г. Скрынников заключил, что одно из наиболее влиятельных мест в новом правительстве заняла группировка Захарьиных [9, с. 35].

По вопросу о времени получения Д. Р. Юрьевым боярства среди ученых тоже нет общего мнения.

Вразрез с суждениями С. Б. Веселовского и А. А. Зимина, Р. Г. Скрынников писал, что по случаю царского брака родной брат Анастасии Д. Р. Юрьев получил чин окольничего, а уже в 1549 г. или к этому времени он вместе с В. М. Юрьевым был удостоен боярства [10, с. 97, 120].

Р. Г. Скрынников полагал, что династический кризис 1553 г. имел своим следствием резкое падение престижа и влияния группировки Захарьиных. События показали, — писал историк, — что Захарьины не пользовались поддержкой большинства членов Боярской думы [9, с. 45].

На взгляд известного историка недавнего времени, во второй половине 1550-х гг. произошло ослабление влияния ближних бояр Д. Р. и В. М. Юрьевых. Р. Г. Скрынников разделял мнение А. А. Зимина о том, что Д. Р. Юрьев лишился чина казанского дворецкого после того, как Казань перешла из компетенции Большого дворца в ведение вновь образованного Нижегородско-Казанского дворца [9, с. 51].

Начиная с 60-х гг., по мысли Р. Г. Скрынникова, происходит повторное возвышение элиты рубежа 1540—1550-х гг., в том числе Захарьиных. Ссылаясь на ряд официальных документов, Р. Г. Скрынников писал, что Захарьины стали играть первостепенную роль как в управлении внутренними делами, так и в определении внешнеполитической программы. К примеру, боярин Д. Р. Юрьев в 1562 г. становится во главе Тверского дворца [9, с. 65].

Популярный историк последних десятилетий XX — начала XXI вв. называл Д. Р. Юрьева главным опекуном при царевиче Иване. Но по сравнению с советом 1553 г., когда Д. Р. Юрьев также относился к главным регентам при царевиче Дмитрие, совет 1561 г. в оценке Р. Г. Скрынникова был не столь представителем и авторитетным. Его характерной чертой явилось засилье Захарьиных. Они намеревались оградить права своего племянника царевича Ивана и пресечь любые покушения на трон со стороны детей Грозного от его второго брака, если бы они появились [9, с. 62; 10, с. 111, 142—143].

Регентский совет собирался взять бразды правления государством после возможной кончины царя. Однако регенты, как указывал Р. Г. Скрынников, исполняли определенные функции и при его жизни, управляя, к примеру, столицей в отсутствие государя. Когда в мае 1562 г. Иван IV выступил в литовский поход, «ведать Москвой» он оставил сыновей и с ними бояр Д. Р. и Н. Р. Юрьевых. Практически же столицей управляли Юрьевы. Приход к власти Захарьиных, — утверждал Р. Г. Скрынников, — оживил давнее соперничество между ними и удельными

князьями Старицкими. В связи с расследованием «измены» Владимира Андреевича Старицкого и его матери (1563 г.) царь вызвал в Александровскую слободу руководство Боярской думы, в том числе боярина Д. Р. Юрьева [9, с. 65, 75].

Историк заключил, что осуждение Старицких и конфискация их удела были следствием происков со стороны главным образом Захарьиных [9, с. 81].

В представлении Р. Г. Скрынникова опекунский совет, назначенный Грозным по случаю второго брака, распался через несколько лет. Его признанный глава дворецкий Д. Р. Юрьев скончался за несколько месяцев до введения опричнины [9, с. 102].

Популярный историк отмечал, что в руках родни царицы Анастасии, в частности, Д. Р. Юрьева, сосредоточились важнейшие отрасли управления. По словам Р. Г. Скрынникова, Даниил Романович в течение долгого времени числился в ближайшем окружении царя и смог сохранить высокое положение вплоть до своей смерти.

Р. Г. Скрынникову думалось, что хотя среди Захарьиных не было выдающихся государственных деятелей, их приход к власти способствовал выдвижению многих лиц, сыгравших ведущую роль в проведении реформ середины XVI в. [10, с. 97, 120].

В. И. Корецкий, упоминая о Д. Р. Юрьеве как одним из свидетелей трагического происшествия 1553 г. — гибели царевича Дмитрия (так называемого «пеленочника»), за которого держались Захарьины во время болезни Ивана Грозного ранней весной того же года, — находил, что в ближайшие годы на карьеру Даниила Романовича это событие не повлияло [6, с. 38].

Судя по фактическим данным и суждениям ряда известных историков середины — второй половины XX в., обращавшихся к вопросу о роли Д. Р. Юрьева среди политических деятелей времени Ивана IV, можно констатировать следующее. И. И. Смирнов, А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников единодушно полагают, что в 1547 г. начинается стремительная карьера Д. Р. Юрьева, который тогда стал окольным и занял должность первого дворецкого Большого дворца. И. И. Смирнов заключил, что благодаря этому посту Д. Р. Юрьев вошел в круг особо приближенных к царю лиц. Ученый, отмечая принадлежность Д. Р. Юрьева к правящим кругам, выделял его и в качестве военачальника. И. И. Смирнов также писал о Д. Р. Юрьеве как дворецком Казанского дворца, чем объяснял личное участие этого боярина в походе на Казань зимой 1554—1555 гг. А. А. Зимин же не разделял вывод И. И. Смирнова о вхождении Д. Р. Юрьева в 1553 г. в ряды Ближней думы и отказывался причислять управление Казанским дворцом к функциям Даниила Романовича. При этом историк допустил противоречие: говоря о событиях 1 марта 1553 г., он отнес Д. Р. Юрьева к ближним боярам, которые должны были первыми целовать крест царевичу Дмитрию. Р. Г. Скрынников указал и на руководство Д. Р. Юрьевым также Тверским

дворцом в начале 1560-х гг. Ученые не пришли к единому мнению и по вопросу о времени получения Д. Р. Юрьевым боярского чина. В отличие от С. Б. Веселовского, считавшего, что Д. Р. Юрьев удостоился этого чина в 1547 г., А. А. Зимину думалось, что Даниил Романович стал боярином в следующем году. Р. Г. Скрынников же писал о пожаловании брата царицы Анастасии в бояре в 1548 г. По мнению А. А. Зимина, накануне введения опричнины в число ближайших к царю лиц входил и Д. Р. Юрьев (возглавлявший тогда Государев двор и являвшийся дворецким). С. Б. Веселовский относил Д. Р. Юрьева к кругу «ближних» людей еще начала 1550-х гг. С точки зрения Р. Г. Скрынникова, Д. Р. Юрьев числился одним из главных регентов при царевиче Дмитрии, а впоследствии главным опекуном при царевиче Иване, однако по сравнению с советом 1553 г. совет, образованный семь лет спустя, был куда менее авторитетным. А. А. Зимин и Р. Г. Скрынников считали, что Д. Р. Юрьев занимал видное, но отнюдь не выдающееся место в окружении Грозного, и то лишь в силу родства с царицей Анастасией. И. И. Смирнов же, напротив, включал Д. Р. Юрьева в число лиц, определявших политический курс Московского государства в середине XVI века.

Литература и источники

1. Веселовский, С. Б. *Исследования по истории класса служилых землевладельцев* / С. Б. Веселовский. — Москва : Наука, 1969. — 583 с.
2. Веселовский, С. Б. *Исследования по истории опричнины* / С. Б. Веселовский. — Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1963. — 495 с.
3. Зимин, А. А. И. С. *Пересветов и его современники: очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века* / А. А. Зимин. — Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1958. — 495 с.
4. Зимин, А. А. *Реформы Ивана Грозного: очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в.* / А. А. Зимин. — Москва : Изд-во социально-экономической литературы, 1960. — 511 с.
5. Зырянова, Л. Г. *Деятельность Д. Р. Юрьева в оценках отечественных историков* / Л. Г. Зырянова // *Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартковского государственного гуманитарного университета*. — 2011. — № 8. — С. 31—37.
6. Корецкий, В. И. *История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в.* / В. И. Корецкий. — Москва : Наука, 1986. — 271 с.
7. Носов, Н. Е. *Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века* / Н. Е. Носов. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академия наук СССР, 1957. — 398 с.
8. Павлов А. П. *Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605)* / А. П. Павлов. — Санкт-Петербург : Наука, 1992. — 281 с.
9. Скрынников, Р. Г. *Начало опричнины* / Р. Г. Скрынников. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1966. — 344 с.
10. Скрынников Р. Г. *Царство террора* / Р. Г. Скрынников. — Санкт-Петербург : Наука, 1992. — 578 с.
11. Смирнов И. И. *Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века* / И. И. Смирнов — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1958. — 516 с.

Поступила в редакцию 2 июня 2020 г.

ЗЫРЯНОВА Лилия Григорьевна, преподаватель, Нижневартровский нефтяной техникум (филиал), Югорский государственный университет (г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Российская Федерация) E-mail: toyotanv@gmail.com

DOI: 10.14529/ssh200303

ACTIVITY D. R. YURYEVA IN ESTIMATES OF DOMESTIC HISTORIANS OF THE MIDDLE — SECOND HALF OF THE XX CENTURY

L. G. Zyryanova^{1, 2}, toyotanv@gmail.com,

¹ Neftyanoy technical school (branch), Nizhnevartovsk, Russian Federation

² Ugra State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation

The author highlights the political and military activities of one of the prominent representatives of the Yuriev-Zakharyin family — Daniil Romanovich — in the assessments of famous domestic historians of the second half of the 20th century. Mention of him in the writings of scientists of previous times are rare. The author aims to study the Soviet historiographical heritage regarding the activities of D. R. Yuriev, during the reign of Ivan IV. The object of this work is the historiography of Russian history in the mid-16th century, and the subject is the views of historians of the Soviet era, mainly on the administrative and military activities of D. R. Yuriev. The article analyzes the judgments of researchers about the main career milestones of D. R. Yuriev. The conclusion is substantiated that in Soviet historiography the views on the role of D. R. Yuriev surrounded by Ivan IV did not differ in consensus. Historians noted that D. R. Yuriev enjoyed the confidence of Grozny, they wrote about Daniil Romanovich as a boyar of a closer дума, the regent under Tsarevich Ivan. Although Daniil Romanovich was able to maintain a high position until his death. Researchers did not include this representative of a prominent Staromoskovsk boyar surname among the political leaders of the mid-16th century.

Keywords: Russian historiography of the second half of the 20th century, D. R. Yuriev, Ivan IV, okolnichy, butler, Closer Duma.

References

1. Veselovskij S.B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilyh zemlevladel'cev [Studies on the history of the class of service landowners]. M.: Nauka, 1969. — 583 p.
2. Veselovskij S.B. Issledovaniya po istorii oprichniny [Studies on the history of the oprichnina]. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. — 495 p.
3. Zimin A. A. I.S. Peresvetov i ego sovremenniki: Ocherki po istorii russkoj obshchestvenno-politicheskoy mysli serediny XVI veka [Peresvetov and his contemporaries: Essays on the history of Russian socio-political thought in the mid-16th century]. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. — 495 p.
4. Zimin A. A. Reformy Ivana Groznogo: Ocherki social'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii serediny XVI v. [Reforms of Ivan the Terrible: Essays on the Socio-Economic and Political History of Russia in the Mid-16th Century]. M.: Publishing house of socio-economic literature, 1960. — 511 p.
5. Zyryanova L.G. Deyatel'nost' D.R. YUr'eva v ocenkah otechestvennyh istorikov [Activity D.R. Yurieva in the estimates of domestic historians] Nauchnye trudy aspirantov i soiskatelej Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Scientific works of graduate students and applicants Nizhnevartovsk State Humanitarian University], 2011.— No. 8.— P.31-37.
6. Koreckij V. I. Istoriya russkogo letopisaniya vtoroj poloviny XVI — nachala XVII v. [The history of the Russian chronicles of the second half of the XVI - beginning of the XVII century]. M.: Nauka, 1986.— 271 p.
7. Nosov N.E. Ocherki po istorii mestnogo upravleniya Russkogo gosudarstva pervoj poloviny XVI veka [Essays on the history of local government of the Russian state in the first half of the 16th century]. M.; L.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. — 398 p.
8. Pavlov A.P. Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584—1605) [The sovereign's court and political struggle under Boris Godunov (1584—1605)]. SPb.: Nauka, 1992. — 281 p.
9. Skrynnikov R.G. Nachalo oprichniny [The beginning of the oprichnina]. L.: Publishing House of Leningrad University, 1966.—344 p.
10. Skrynnikov R.G. Carstvo terrora [The Kingdom of Terror]. SPb.: Nauka, 1992. — 578 p.
11. Smirnov I. I. Ocherki politicheskoy istorii Russkogo gosudarstva 30—50-h godov XVI veka [Essays on the political history of the Russian state of the 30-50s of the XVI century]. M.; L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. — 516 p.

Received June 2, 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Зырянова, Л. Г. Деятельность Д. Р. Юрьева в оценках отечественных историков середины — второй половины XX в. / Л. Г. Зырянова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2020. — Т. 20, № 3. — С. 21—26. DOI: 10.14529/ssh200303

FOR CITATION

Zyryanova L. G. Activity D. R. Yuryeva in estimates of domestic historians of the middle — second half of the XX century. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2020, vol. 20, no. 3, pp. 21—26. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh200303